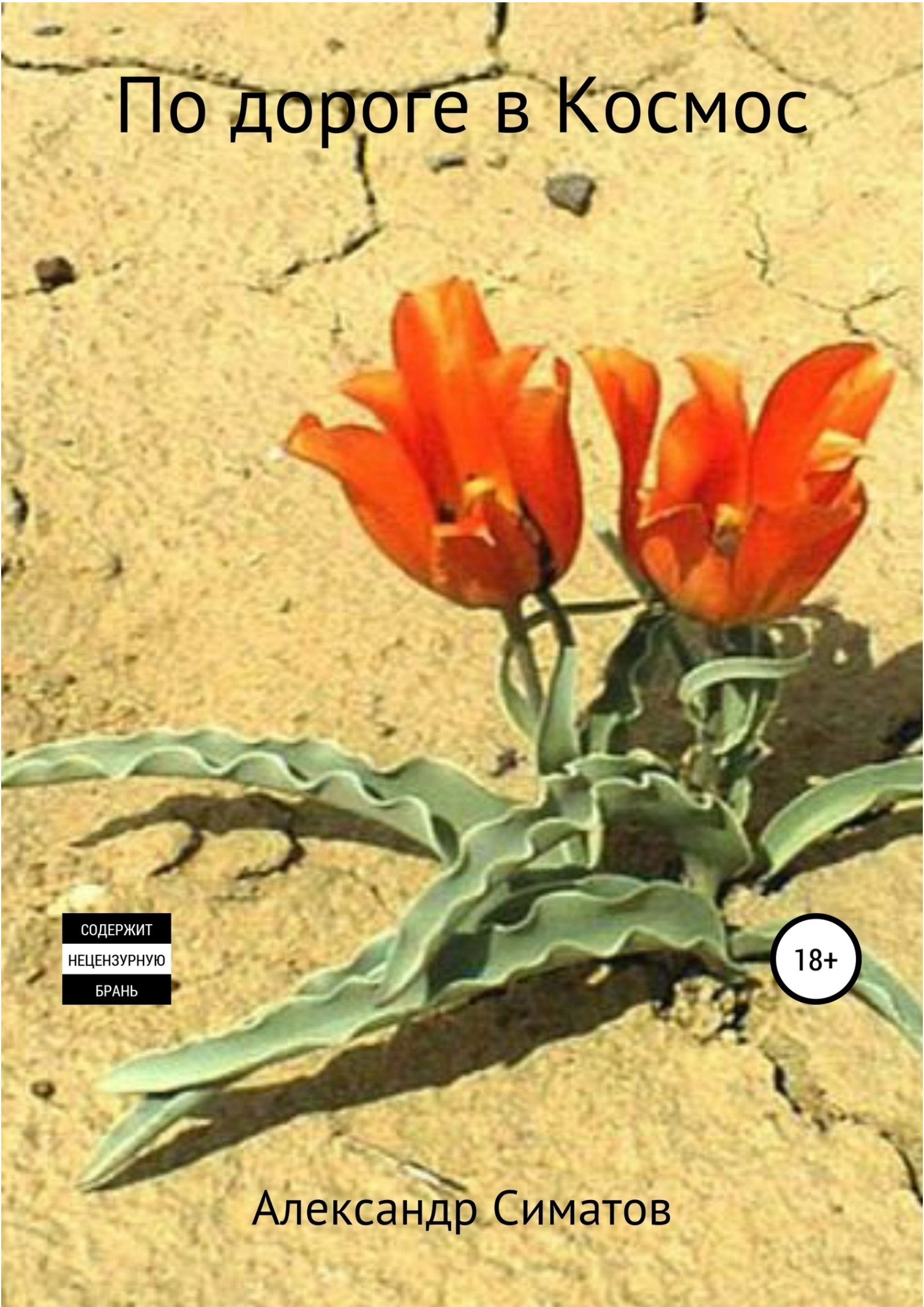

По дороге в Космос

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Симатов

Александр Симатов

По дороге в Космос

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Симатов А. В.

По дороге в Космос / А. В. Симатов — «ЛитРес: Самиздат»,
2014

Повесть «По дороге в Космос» – о судьбе паренька, который в 1943 году отправляется из Самары в деревню за стельной коровой, чтобы прокормить семью, и через четверть века возвращается к матери с космодрома Байконур полковником медицинской службы. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Как Вовка стал мужиком	6
Сталин, Владимир и Иван Леонтьевич Дуля	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Перед вами, читатель, повествование, в основу которого легли события и факты из жизни моего отца, полковника медицинской службы Вениамина Петровича Симатова. Его памяти посвящаю я эту повесть.

Как Вовка стал мужиком

Скромный завтрак Владимира Петровича подошел к концу, положенная после приема пищи горсть таблеток была запита чаем. Вставать из-за стола совсем не хотелось. Отложив в сторону листок отрывного календаря с безрадостным пейзажем Левитана и стихами Есенина «Нивы сжаты, рощи голы...», которые он только что прочитал, Владимир Петрович подумал: «Хорошие стихи». Почувствовав горечь во рту, оставшуюся после лекарств, налил воды в стакан и выпил его не спеша, в несколько приемов, переводя дыхание и смакуя – как житель пустыни, только и знающий настоящую цену этому напитку; со стороны могло показаться, будто он дегустирует что-то изысканное. Покончив с горечью, принялся бесцельно разглядывать пятнистую буренку на пакете молока. Буренка счастливо улыбалась и по коровьим меркам была хороша. Ее русую косу украшал розовый бант, а большие добрые глаза обрамляли густые черные ресницы. «Да, корова – это жизнь», – констатировал Владимир Петрович и надолго задумался.

Набежавшие воспоминания унесли его в начало весны далекого сорок третьего, в низкий полутемный сарай, крепко пропахший навозом, куда согнали их под дулами автоматов; забыть это было невозможно. Вовке тогда казалось, что провели они в том сарае вечность – злые небритые деревенские мужики да такие же юнцы, как он. Разбираться с ними никто не торопился, потому как знали блюстители наверняка, что скоро потянутся жены да матери вызывать своих и понесут последнее. Стояли они в напряженной тишине, переминались с ноги на ногу, коченели от холода; иногда кто-нибудь из задержанных мочился в углу сарая. В каждом томились глубоко спрятанная ненависть и неглубоко залегающий страх. Иногда охранник выкрикивал в приоткрытую дверь чью-нибудь фамилию и командовал: «На выход!» Вовка, напуганный до смерти, готов был расплакаться от невозможности что-либо изменить, но держался как мог и лишь плотнее прижимал локти к бокам, будто так можно было сберечь спрятанные деньги. От одной лишь мысли о том, что он вернется к матери без коровы, невыносимо становилось на душе и хотелось выть от отчаяния.

Про то, что корова в Индии – священное животное, Вовка узнал на уроке истории. Этонисколько его не удивило, так как Вовке к тому времени уже был доподлинно известен священный коровий статус. Никакого другого статуса у их Нюрки и быть не могло, поскольку Нюрка во всех смыслах кормила, одевала и обувала все их многодетное семейство. И стоять бы этой самой Нюрке в колхозном стойле и довольствоваться скудным пайком, да – слава богу! – не сподобилась советская власть организовать колхозы в городах. А означало это, что физиологические циклы коровы Нюрки не подпадали под коммунистическое влияние и регулярно доилась она исключительно в интересах Вовкиной семьи. Несмотря на Нюркины старания, молока дети вдоволь не пили: большая часть его продавалась и обменивалась на рынке, чтобы иметь все остальное: от постного масла и муки – до ботинок и школьных ранцев.

Семья Вовкина жила в ту пору в частном секторе Самары, в собственном доме с маленьким двором, хлевом и огородом-садом в придачу. Поселились они в Самаре в начале тридцатых. Благодаря решению отца перебраться в город семья была спасена от рабского колхозного труда и страшного поволжского голода.

Распределение обязанностей в семье было простым: мать воспитывала детей и вела хозяйство, дети во всем помогали матери, а отец занимался двумя вещами: добывал корма для коровы или пропадал на городском рынке. Рынок был местом приложения отцовых выдающихся способностей дешево купить и дорого продать. Вот так, коровьими стараниями да отцовской спекуляцией, и выживала семья.

В оправдание Вовкиного отца надо сказать, что к спекуляции подтолкнула его, как ни странно, советская власть, для занятия только этой сомнительной трудовой деятельностью не требовавшая правильного социального происхождения. А происхождение у отца было на самом деле *не то*, поскольку женат он был на дочери богатого кулака. И первое же после переезда в город трудоустройство Вовкиного отца на самарском пивном заводе, да к тому же вместе с тестем (что явилось непоправимой ошибкой), происхождение которого было не просто *не то*, а *совсем не то*, окончилось ровно через месяц. За это время бдительные органы не без помощи бдительных же граждан успели разузнать, что к чему. В итоге заводское начальство посчитало невозможным держать на должностях грузчиков двух родственных элементов с антисоветским прошлым.

Для Вовкиной семьи это событие стало поворотным. Но не столько потому, что пропали последние иллюзии по поводу взаимоотношений с государством, сколько потому, что пропал источник дешевых отходов производства пива – солодовых ростков для коровы, из-за которых выбор и пал на пивзавод: отпускали их по бросовой цене только рабочим завода. Недолго думая, отец с тестем купили лошадь, и отец в сезон стал ездить в пригород, благо было недалеко, косить на неудобьях сено для очередной Нюрки. А вдобавок занялся извозом и прочно обосновался на рынке, где его скоро стала узнавать каждая собака.

Постепенно жизнь наладилась, дети росли и не голодали, и простые семейные радости не обходили стороной Вовкин дом. Стало даже казаться, что так будет всегда. Но осенью сорок второго эта надежда потерпела крах: сорокалетнего Вовкиного отца забрали на фронт, забыв выяснить его социальное происхождение.

Вовка отца не провожал: в это время он вместе с другими старшеклассниками изматывался на колхозных полях, убирая урожай картофеля и прочих корнеплодов. Домой он вернулся только к середине ноября, совершенно исхудавший, с отмороженными пальцами ног. В довершение ко всему их немолодая корова почти перестала давать молоко. Складывалось крайне тяжелое положение. В это непростое время Вовкина мать предприняла несколько жизненно важных шагов: забила корову и продала мясо, устроилась в магазин мыть полы, чтобы получать больше хлеба, уговорила соседского деда Матвея Кузьмича, собирающегося купить стельную корову, взять с собой Вовку для этой же цели, настояла на том, чтобы Вовка бросил школу и пошел на завод, дающий «броню», по-крестьянски здраво рассудив, что *этой* власти – ее бы воля – и мужа не отдала бы, не *только* сына.

Подготовка к походу за коровой много времени не заняла. Мать зашила деньги в Вовкину телогрейку тонкими пачками по кругу в три ряда. Получилось три невидимых патронташа. И купила Вовке толстые носки из собачьего меха и рукавицы с собачьим мехом внутри. Ранним февральским утром дед Матвей Кузьмич и Вовка предстали перед провожатыми в высоких валенках до колен, ватных ушанках и штанах и огромных рукавицах. Обнялись перед дорогой с домашними, забросили за спину холщовые мешки с хлебом и, напутствуемые дедовой старухой и мелко крестящейся и тихо плачущей Вовкиной матерью, тронулись в путь. И пока они не скрылись за поворотом улицы, Вовкина мать все посылала и посылала им вдогонку невидимые православные кресты.

Идти предстояло в далекое село, в котором, по уверению деда, в это время на колхозном рынке был большой выбор стельных коров. Дед в этом селе ранее уже бывал и дорогу знал хорошо. Шли они с дневными остановками в деревнях, встречающихся на пути. К вечеру просились на ночлег. За гостеприимство расплачивались картошкой, которой взяли с собой по мешку и везли на санках. Дальше сеной их обычно не пускали. И неудивительно: с какой такой доброты? да в лихое время? И мерзли они по ночам, но все не под открытым небом. Кипятком, а бывало, и колотым сахаром их не обделяли, хлеб с картошкой были свои. О намерениях своих дед с Вовкой по предварительному уговору не распространялись. На вопросы отвечали,

что идут к родственникам. Никак нельзя было им откровенничать, уж больно большие деньги были на руках, за них и жизни могли лишиться.

Через неделю дошли они до нужного села, и Матвей Кузьмич купил себе корову – крупную и ладную. Переночевали, а наутро в воскресенье, когда народу на колхозном рынке бывало больше всего, попали они с дедом в энкавэдэшную облаву. Автоматчики оцепили рынок и фильтровали народ по одному; дело это было обычное, дезертиров и уклоняющихся от призыва бродило по стране немало. Деда, разумеется, отпустили, а Вовку задержали. Полных лет ему тогда было шестнадцать, документов с собою никаких, на слово верить не хотели ни в какую, хотя у Вовки в ту пору и пушок над губой толком еще не пробился. Но дед Матвей Кузьмич умудрился его вызволить, потому как прожил долгую жизнь и знал о ней все. Да и не мог он вернуться домой без Вовки, немыслимо это было. Сначала дед просто и честно объяснял отутюженному щеголю с тугими щеками, что да как, потом унижался, затем ваньку валял, но это все так, для затравки. А в итоге дал часть, чтобы не потерять целое, и получил взамен своего Вовку.

Если разобраться, то Вовку все равно бы отпустили. Выяснили бы, кто он, и отпустили. Но на это могло уйти много времени, а у Матвея Кузьмича с Вовкой времени было в обрез – стельные коровы ждать не могли. После Вовкиного освобождения купили ему корову поменьше и дешевле, чем у Кузьмича, и направились без задержки домой. Коров надо было довести в целости и сохранности, потом правильно принять телят, а затем правильно коров раздоить, чтобы было много молока, ради чего и затевалась вся эта кампания. И торопились они, как выяснилось, не зря: в начале марта снег днем начал подтаивать на солнце и отяжелевшие коровы скользили, вести их было трудно. Матвей Кузьмич всю дорогу молился и матерился – вперемешку, как повелось на Руси, но его крупная корова все равно два раза упала; на обратном пути обогатил Кузьмич Вовкин матерный запас причудливыми словоформами на всю оставшуюся жизнь.

А коров они дедовыми молитвами все же довели. И помнил Владимир Петрович потом всю жизнь, как мать целовала и обнимала его, и целый день радовалась и плакала, и глаза ее ненадолго ожили от счастья. А младший брат и сестренки смотрели на него как на кормильца и героя. Вовка стал мужчиной.

Сталин, Владимир и Иван Леонтьевич Дуля

Сталина Владимир Петрович помнил хорошо. Сталинская физиономия набила ему оскомину еще в семнадцать лет, на «шарикоподшипнике» – и не удивительно: огромный портрет вождя висел в цехе на стене, в красивой золотисто-коричневой раме, прямо напротив Вовкиного рабочего места и ухмыляющийся в усы будущий генералиссимус с утра до вечера пристально наблюдал за соблюдением Вовкой нормы выработки.

По несколько раз на дню встречаясь со Сталиным взглядом, Вовка излишне напрягался и сосредоточивался, отчего постоянно преследовавшее его чувство голода ощутимо усиливалось. Особенно это чувство укреплялось ближе к обеденному перерыву, когда уже не было никаких сил терпеть и сознание пронизывало одно-единственное желание поскорее получить заводскую миску горячей капустной бурды и закусить это пойло данными матерью картофелиной и ломтем хлеба. То же самое повторялось перед окончанием смены и походом в вечернюю школу, когда голод давал о себе знать нестерпимыми спазмами пустого желудка.

Вовка оказался парнем способным, к работе относился добросовестно, основательно. Судя по всему, предначертана была ему судьба тянуть пролетарскую лямку и выбиваться в стахановцы, почин в виде грамоты передовику им был уже положен. Тем более что знания его после окончания вечерней школы ничего более перспективного не предполагали. Но это при взгляде со стороны. Вовка же мог заглянуть внутрь себя. А внутри у него не прослеживалось ни малейшего желания посвятить свою жизнь рабочей профессии; двух лет стояния у станка хватило сполна, чтобы «подшипник» надоел ему до чертиков. Владимир осознал это и решил поступать в медицинский институт.

Почему он выбрал мединститут, осталось загадкой. Возможно, после заводского надзора и строгого режима профессия врача казалась ему свободной, без норм выработки и планов, без обязательств и кривых роста. В этом он, конечно же, заблуждался, у несвободных людей не могло быть свободных профессий. Но это заблуждение только прибавляло ему желания учиться и веры в то, что он способен поступить.

Осталось загадкой и благосклонное отношение отца с матерью к его решению. Малограмотные родители не только не воспротивились желанию сына, но поддержали его, несмотря на то что теряли работника и получали взамен взрослого иждивенца.

Целый год Владимир готовился к экзаменам и летом сорок шестого, уволившись с завода, поступил на лечебный факультет. Наверное, сыграли свою роль и положительная комсомольская характеристика, и рекомендательное письмо от завода. У Владимира началась совершенно другая жизнь, полная новых впечатлений и событий. Учился он с огромным желанием, как губка впитывал знания, интересовался абсолютно всем.

Отношения с вождем у Владимира тоже изменились. Вождь на время отпустил вожжи, не буравил его постоянно своим премудрым взглядом. Лишь иногда поглядывало сталинское всевидящее око поверх головы преподавателя на склоненную над конспектом фигуру студента из рабочих. Обнаружив за собой слежку, Владимир, как и на заводе, излишне сосредоточивался, хотя и так не пропускал ни единого слова лектора.

В послевоенные годы жилось крайне голодно. Особенно после отмены карточек в сорок восьмом, когда, по всеобщему признанию, стало еще хуже, чем во время войны. Мать Владимира вынуждена была украдкой таскать у коровы отруби и добавлять их в муку для получения прежнего объема выпечки; в институте особую ценность приобрела дружба со студентками из сельской местности, которым иногда присылали или привозили всякую домашнюю снедь.

В дополнение к вечному недоеданию, студенческую жизнь портили комсомольские собрания и митинги, на которых студенты гневно клеймили врагов передового строя и пере-

довой же медицинской науки. Владимира сбивало с толку коварство и количество этих самых врагов, среди которых попадались и старейшие, уважаемые преподаватели института. Ему удалось не заразиться обличительным энтузиазмом товарищей, и внутри себя он удержался на позиции молчаливого скептика.

В любом случае студенческие годы невозможно было сравнить с тем временем, которое он провел на «подшипнике». Его кругозор необычайно расширился, новые знакомства и знания наполнили его свежими мыслями и взглядами.

Но мечту о свободной профессии Владимиру пришлось похоронить: в пятидесятом по высочайшему указу всем парням последнего курса лечебного факультета присвоили звание младшего лейтенанта. Так Владимир оказался в шинели и в сапогах. Это событие явилось для него ударом, но ничего изменить было невозможно. Весь пятый курс привыкал он к стоячему воротнику кителя, но так и не смог привыкнуть: хомут он и есть хомут.

По окончании института женился Владимир на сокурснице Шурочке и увез молодую жену за полярный круг, на берег Белого моря, в город с дивным названием Кандалакша. Определили его там начальником медпункта полка. В подчинение попал он к грубоватому, громкоголосому начальнику медслужбы с чудной фамилией и орденом Красной Звезды на груди. Майор Дуля был под два метра ростом, так что при общении с ним приходилось задирать голову. Слыл он мужиком справедливым, подчиненных в обиду не давал и врачебное дело знал как свои пять пальцев. Неформальное знакомство с лейтенантом свел запросто: ближе к вечеру вызвал его к себе в кабинет, где и выпили они в удовольствие медицинского спирта под селедочку да копченую корюшку. Майор немного рассказал о том, что такое война и что он на ней видел, а Владимир успел рассказать о себе все, потому как со спиртом они не частили, да и рассказывать было особенно нечего. В общем, расстались за полночь.

Медпункту был придан стационар на тридцать коек. Для Владимира этот стационар явился настоящим подарком судьбы. Дело в том, что после института он грезил врачебной практикой. Он хотел видеть, как больные становятся здоровыми благодаря его знаниям и способностям. И солдатики неведомым образом слышали немой зов молодого доктора и откликнулись на него. И потянулись в медпункт болящие с потертостями и ушибами, с животами и головной болью, с кашлем и горлом. Владимир заполнял стационар под завязку, но полным стационар оставался только до посещения его начмедом. Дуля брал лейтенанта с собою в больничные палаты и преподносил ему урок мастерства по выявлению «симулянтов, не желающих нести службу». Особо хитрых по части недомоганий майор грозился отправить на «губу». Стационар пустел на две трети, после чего начмед уединялся с Владимиром в крохотной ординаторской и устраивал разнос его «мягкотелости»: хлопал папкой с историями болезней по столу и громыхал с высоты своего роста, что «это истории – но не болезней, Владимир Петрович!». Владимир не трусил и возражал, что при наличии такого прекрасного стационара нельзя подходить к медпомощи с позиции полевых условий военного времени. «Много ты знаешь про полевые условия», – от души хохотал майор. Ему нравилось, что лейтенант не сдавался. Ему нравилось, что усилиями лейтенанта в медпункте был наведен идеальный порядок и что лейтенант хотел лечить. А что это за врач, который не хочет лечить? И как-то после очередной перепалки и упорства Владимира майор пошел на уступки: «Вот что, Владимир Петрович. Вижу я, зуд твой не унять. Хочешь лечить потертости и сопли – лечи. Но имей в виду: положишь амбулаторного – пеняй на себя. И чтобы как минимум пять коек у тебя всегда были свободны – не меньше!»

...Незаметно прошло полтора года, незаметно Владимир стал врачом. Он уже мог слышать пневмонию за минуту. За ним уже числились победы и над дифтерией, и над дизентерией. И свинку, корь и краснуху он различал на ранних стадиях. И много было правильно поставленных предварительных диагнозов, подтвержденных позже в окружном госпитале. И майор называл его теперь при подчиненных исключительно «Владимир Петрович». На дежур-

стве Владимир начал покуривать папиросы «Любительские» в красивых сиреневых пачках и не выпускал из рук книг по инфекционным болезням: очень стала занимать его «зараза» и борьба с нею.

Вождь Владимиру давно не напоминал о себе: медпункт и стационар легко обходились без его опекунов; в кабинете начмеда не было даже маленького портрета ехидного грузина, что, конечно же, являлось чьей-то недоработкой. Создавалось впечатление, что вождь начал сдавать, и однажды это подтвердил начальник, без объяснений предложивший Владимиру Петровичу заглянуть к нему после работы.

Он закрыл дверь на защелку, плеснул спирту в стаканы, сказал «давай». Они, не чокаясь, выпили и закусили консервами местного рыбозавода.

– По поводу чего выпили, Володя? – спросил майор.

Владимир почувствовал какой-то подвох и только смущенно улыбнулся.

– Не знаю, товарищ майор.

– Ты что, ничего не слышал? – с недоверием спросил майор.

– Я не понимаю, о чем вы, Иван Леонтьевич, – совсем уже смутился Владимир.

– Сегодня, Владимир Петрович, великий день, Сталина кондрашкахватила. Правда не слышал? – с хитринкой в глазах переспросил майор.

– Слышал, конечно, – опешил Владимир. – Фельдшер еще утром сказал, он по радио слышал.

– Ну и как ты? Смотрю, побледнел даже. Переживаешь, что ли?

Владимир промолчал. На лбу у него выступила испарина, он не знал, куда клонит начальник и как себя вести.

– Петрович, ты, случайно, не собираешься бежать на доклад к замполиту?

– Нет, не собираюсь, – ответил Владимир. Его задел насмешливый тон и изучающий взгляд начальника, и он не удержался от дерзости: – А вы не собираетесь?

Начмед перестал улыбаться и после долго смотрел Владимиру в глаза.

– Тогда еще по одной?

Владимир протянул стакан. Майор налил спирту, и они снова выпили. Майор достал папиросы, угостил лейтенанта. Посидели молча. Потом майор, глубоко затянувшись, не спеша начал свой невеселый рассказ.

– Я, Володя, родом из села Сенча. Это на Полтавщине. У родителей нас было пятеро. Было пять десятин земли, две лошади и корова. Дом большой, крытый железом, деревянный пол. Отец отказался вступать в колхоз. В отместку голь большевистская все отобрала. Землю, скотину, инвентарь. Даже кур поперетаскали. Дорогу ему псы сталинские определили на Соловки, если будет упрямитесь. Отец ждать не стал, тут же собрался. Да и собирать-то было нечего. Со старшей сестрой Галиной уехал в Харьков. Там у него сестра в медучилище работала. Тетка моя. Это осенью было, в тридцать втором. Договорились, что, как только отец устроится, нас всех заберет. До Харькова они не доехали. Не видела их тетка. И никто их больше не видел... Затем сталинские заготовщики отобрали все зерно, вымели подчистую. Есть стало нечего. Зимой как-то продержались на отрубях, свекле. Мама делала оладьи из жмыха. А весной я ходил обдирать грушевую кору. На лугу собирали с сестрой Любой щавель, крапиву. Мне было семнадцать, Любе пятнадцать... Когда мама укладывала братьев спать, я на них голых смотреть не мог. Им было пять и семь... От отца никаких вестей. Мама сходилась с ума, извелась вся, почернела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.